

© 2008 г. Ф. Б. УСПЕНСКИЙ

**НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭТИМОЛОГИЮ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОГО
НАЗВАНИЯ КИЕВА *KǫNUGARÐR*
(по поводу статьи Э. Мелин)**

Развивая идеи шведской исследовательницы Э. Мелин о том, что первый элемент варяжского названия Киева (*Kǫnugarðr*) восходит к др.-сканд. *kinn* < и.-е. **genw-/geni-* «скула, щека» в значении «склон горы, возвышенность», автор соотносит этот элемент с названием одной из возвышенностей древнего Киева – *Щековицей (Щекавицей)*.

*Край небритых гор еще неясен,
Мелколесья колетса щетина,
И свежа, как вымытая басня,
До оскомины зеленая долина*

О. Мандельштам

*Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо*

В. Хлебников

Одной из самых интересных и интригующих лингвистических проблем раннего русского Средневековья остается вопрос о том, как варяги и восточные славяне общались друг с другом: насколько велика была компетенция каждой из взаимодействующих сторон в чужом языке, существовал ли некий узус, в котором эти языки смешивались, и какую роль, наконец, в этих межкультурных контактах играл перевод с одного языка на другой.

Как известно, следов этого языкового взаимодействия в нашем распоряжении осталось не так уж много. Волей-неволей мы поставлены в такую ситуацию, когда все наши умозаключения основываются на фрагментарных, точечных свидетельствах, которые, даже складываясь в некую общую картину, зачастую остаются уникальными, обладающими своей индивидуальной историей. Весьма важное место в списке таких свидетельств занимают топонимы, а точнее – то, как именно скандинавы называли различные географические объекты Восточной Европы. Едва ли не самыми знаменитыми из этих слов являются варяжские названия трех городов, лежащих на «пути из варяг в греки»: *Hólmgarðr* = *Новгород*, *Kǫnugarðr* (*Kænugarðr*, *Kænugarðr*, *Kiænugarðr*) = *Киев* и *Miklagarðr* = *Константинополь*.

Разумеется, прежде всего исследователей привлекал формант *-garðr*, объединяющий все три топонима и древнескандинавское наименование Руси – *Garðar* или *Garðaríki*. Судя по всему, славяно-скандинавское языковое взаимодействие отразилось здесь наиболее ярко и зримо, поскольку славянское *градъ/городъ* и скандинавское *garðr/garðar*, будучи близки этимологически и фонетически, все же различались семантически. Производные от славянского **gordъ* могли означать не только огороженное пространство или загородку, но и собственно город. В древнескандинавских же языках *garðr* – если речь шла о территории самой Скандинавии и Западной Европы – на протяжении всего Средневековья обозначало только ‘хутор, огороженное пространство, двор’. Лишь в восточноевропейской номенклатуре топонимический

формант *garðr* приобретает некую «урбанистическую» окраску и используется скандинавами для обозначения городов как таковых, фигурируя, в частности, в варяжском названии Константинополя.

Если в отношении элемента *-garðr* между исследователями достигнуто некоторое согласие (см. об этом подробнее [Томсен 2002: 189; Thomsen 1919: 332; Рыдзевская 1978: 143–150; Мельникова 1977; Джексон 2001: 49–59]; ср. также [Успенский 2002: 371–389]), то не менее важное для проблемы варяго-славянских языковых контактов значение первых основ наших топонимов, *Mikla-*, *Hólm-* и *Kønu-* (*Kænu-*, *Kiænu-*, *Kænu-*), по-прежнему возбуждает споры и провоцирует появление новых гипотез. Наиболее прост и очевиден, пожалуй, случай с именовани­ем Константинополя, *Miklagarðr*, где первый элемент представляет попросту прилагательное *mikill*, означавшее ‘большой, великий’. Столь же очевидным оказывается и значение этого названия в целом – «Большой город». Дискуссия возникает лишь вокруг различных культурно-языковых ассоциаций, связанных с подобным обозначением. В перспективе скандинаво-русских связей здесь стоит отметить разве что тот факт, что эти северные народы не используют автохтонного греческого названия столицы империи, а конструируют свои собственные. Нет сомнения, что оба эти именовани­я – *Miklagarðr* и *Царьград* – призваны подчеркнуть особое положение Константинополя среди прочих городов мира. Показательным образом, в собственно скандинавской традиции первый элемент наименования мог, по-видимому, просто опускаться: в достаточно ранних прозаических текстах византийская столица обозначается как *Garðr* ([Успенский 2002: 290–291], с указанием литературы), хотя более распространенным в сагах остается, разумеется, двусоставный топоним *Miklagarðr*.

Гораздо сложнее обстоит дело с топонимом *Hólmgarðr*, который в древнескандинавских текстах применяется к Новгороду. Если для *Miklagarðr* можно привести одну-единственную и при этом вполне надежную этимологию, то для первого элемента топонима *Hólmgarðr* на сегодняшний день их существует, по меньшей мере, две¹. Формант *hólm-*, с одной стороны, сближается со славянским *хълмъ*, а с другой стороны, некоторые исследователи видят в нем собственно скандинавское слово *hólmr* ‘остров’². Таким образом, за древнескандинавским названием Новгорода стоит либо топонимический концепт города на острове, либо некое фонетическое уподобление автохтонному названию, уподобление, в котором, в частности, мог задействоваться славянский топоним *Хълмъ*, в летописи зафиксированный как обозначение одного из районов Новгорода³.

Парадоксальным образом, вполне приемлемыми как с исторической, так и с лингвистической точки зрения оказываются оба объяснения древнескандинавского *Hólmgarðr*. Дело осложняется еще и тем, что даже если в качестве первоначальной основы древнескандинавского названия выступал славянский топоним **Хълмъ-городъ*, очень рано, почти немедленно, он неизбежно был бы втянут в орбиту собственно скандинавской паронимической аттракции, сближающей его со скандинавской лексемой *hólmr* ‘остров’, тем более что те топографические реалии, с которыми сталкивались варяги, прибывавшие в Новгород, вполне допускали подобную мотивировку названия.

Как бы то ни было, за городом на Волхове достаточно рано закрепилось славянское название *Новгород*, а в скандинавских источниках он продолжает именоваться *Hólmgarðr*. Таким образом, два скандинавских топонима на *-garðr* дают нам весьма наглядные примеры реализации такой культурно-лингвистической модели, когда между начальными элементами местного и чужого названий города нет никакой фонетической близости и тем не менее они продолжают существовать бок о бок в течение не-

¹ Обзор истории вопроса см. в работе [Джексон 2001: 83–90].

² Отметим попутно, что славянское **хълмъ* чаще всего рассматривается этимологами как германизм.

³ В свое время В.Л. Янин и М.Х. Алешковский высказали даже гипотезу о том, что **Хълмъ-городъ* было первоначальным, древнейшим названием одного из тех поселений, из объединения которых предстояло возникнуть Новгороду [Янин, Алешковский 1971: 41].

скольких столетий. В самом деле, Miklagarðr, Царьград и Константинополь, Hólmgarðr и Новгород – названия, отчасти сходные по словообразовательным принципам, однако не имеющие ничего общего с точки зрения фонетики начальных компонентов.

Особенно же непрозрачным оказывается семантика и происхождение скандинавского названия «матери городов русских», *Køpnugarðr*. По своему фонетическому облику и внутренней структуре это скандинавское слово в целом хотя и связывается с древнерусским *Кыквь*, но все же довольно отдаленным образом, так что, на первый взгляд, равновероятными кажутся как предположения, объединяющие происхождение этих названий, так и те, где их возникновение рассматривается независимо. Как мы убедились выше, варяги без труда могли давать собственные названия городам, лежащим на Восточном пути, сколь бы ни были часты и долговременны их контакты с обитателями этих земель.

В свое время В. Томсен соотнес первый элемент в слове *Køpnugarðr* (*Kæpnugarðr*) с древнеисландским *kæna* (*kóna*), обозначавшим определенный вид лодки. *Køpnugarðr* (*Kæpnugarðr*) оказывался, таким образом, для средневековых скандинавов чем-то вроде 'города лодок'⁴. Впрочем, сам исследователь снабдил это этимологическое допущение знаком вопроса, не считая его ни явным, ни бесспорным. Действительно, в дошедших до нас древнескандинавских текстах слово *kæna* встречается исключительно редко. В сущности, известны два случая его употребления, причем один из них сам по себе является довольно неоднозначным. Слово *kæna* фигурирует в одной из тул (версифицированный перечень поэтических синонимов) «Младшей Эдды», где перечисляются всевозможные поэтические термины для обозначения кораблей [Skj. 1973, Bd. I: 668, z. 3] без указания каких-либо признаков и характеристик для каждого. Таким образом, если бы в нашем распоряжении не было бы второго случая упоминания этого слова, мы бы, скорее всего, назвали *kæna* экзотическим поэтизмом.

Второй случай сам по себе также довольно сложен для интерпретации. Речь идет о прозвище одного знатного норвежца, жившего относительно поздно, во второй половине XII в. В сагах и в стихах Торбьёрна Скальда Кривого он предстает как Фрирек (= Фридрих) *kœna* (например [Skj. 1973, Bd. I: 516]), однако значение его прозвища исследователями трактуется по-разному. Его связывают как с интересующим нас обозначением лодки ([Fritzner 1954, Bd. II: 386]; ср. [Hesselmann 1925: 108]), так и с прилагательным *kænn* 'искусный, умный' [Lind 1920–1921: 232]. По-видимому, значимым аргументом в пользу одной из трактовок прозвища, равно как и для оценки употребительности слова *kæna* в древнескандинавских языках в целом, являются показания современного исландского языка, где слово *kæna* в значении 'маленькая лодка, челнок' фиксируется надежно⁵.

Из всего изложенного выше очевидно, что гипотеза В. Томсена не предполагает непосредственной этимологической связи между славянским названием *Кыквь* и скандинавским *Køpnugarðr*.

В другой же этимологической версии топоним *Køpnugarðr* связывался с собственно славянским, но достаточно редким былинным словоупотреблением *Киянов город*⁶.

⁴ [Томсен 2002: 189]; ср. [Hesselmann 1925]. Критику этой гипотезы см., в частности, в работах [Schramm 1984: 79; Strumiński 1996: 121–132].

⁵ Возможно, что некоторый дальний отголосок этой «лодочной» семантики древнескандинавского наименования Киева мы находим в позднейшей древнерусской эпонимической легенде, где летописцу приходится опровергать молву о том, что основатель города Кий был перевозчиком [ПСРЛ. Т. I: Стб. 9–10; Т. II: Стб. 7–8]. Разумеется, еще более интересно неоднократно упоминавшееся исследователями в этой связи свидетельство Константина Багрянородного о Киеве как о пункте сбора лодок-однодеревков, изготовленных славянами для росов (скандинавов) [КБ 1989. Гл. 9: 45–46].

⁶ См. [Mikkola 1907: 270–280; Рожнецкий 1911: 28–63; Rožniecki 1914: 283–284; Schramm 1984: 77–78; Trunte 1988: 13]; ср. также [Thomsen 1919: 314; de Vries 1977: 342]. Из последних работ см. [Джаксон 2001: 64–68], с обзором литературы. См., кроме того [Strumiński 1996: 121–132], где выражается несогласие и с этой точкой зрения.

Предполагалось, что эта форма развилась из некоего топонима **Кыян(ов)ъ-городъ*, который, впрочем, ни в одном источнике не зафиксирован. На наш взгляд, отсутствие такого топонима в текстах вполне закономерно. В самом деле, исследователи (И. Миккола, а вслед за ним С. Рожнецкий и В.А. Брим) предполагали, что первый элемент этого топонима *Киянь-/Кыянь-* «есть род. падеж множ. числа от *Киянин, Кыянин*» [Брим 2002: 252]; по мнению С. Рожнецкого, это обозначение следует интерпретировать как 'город киян', т.е. жителей, обитателей Киева [Рожнецкий 1911: 50]. Как кажется, подобная модель именования города, включающая в себя родительный падеж множественного числа от названия его жителей + формант *-город*, не находит себе подкрепления в восточнославянском материале. Названий, образованных по подобной модели мы не обнаруживаем ни в древнерусских текстах, ни в современном русском языке. Реконструкция несуществующего славянского топонима **Кыян(ов)ъ-городъ* кажется тем более неубедительной: как отмечено уже С. Рожнецким, редкое былинное словосочетание скорее связано не с реальным обозначением города на Днепре, а с фольклорным, мифопоэтическим концептом «Окиян-город».

Таким образом, предположение о том, что скандинавское *Køpugarðr* с самого начала восходило к сходному с ним по звучанию славянскому названию, выглядит менее правдоподобным, чем версия, подразумевающая собственно скандинавское происхождение этого имени. Знакомясь с этими гипотезами, необходимо учитывать, впрочем, что одна из них вовсе необязательно исключает другую. За столетия достаточно тесных скандинаво-русских контактов то, что изначально могло бы пониматься варягами, к примеру, как 'город лодок', позднее могло интерпретироваться в скандинавской традиции как 'город киян' (= жителей Киева). Изначальная этимология слова довольно рано могла перешлетаться с этимологией народной, и эта самая народная этимология, затмевающая первоначальное значение топонима, для историка языка и культуры, разумеется, не менее интересна и информативна. Скажем более, зачастую позднейшие коннотации, которыми обрастает слово в процессе своего бытования, настолько выразительны, что вопросы «правильной», научной этимологизации как бы отступают на второй план, теряют свою актуальность, а то и оказываются принципиально неразрешимыми.

Тем не менее, исходное скандинавское наименование Киева, как кажется, не принадлежит к числу таких безнадежных для классической этимологии полисемических загадок, хотя, подчеркнем еще раз, языковой материал, как скандинавский, так и славянский, не предоставляет в наше распоряжение ясного и безупречного объяснения топонима *Køpugarðr*. Иными словами, если для происхождения названия *Miklagarðr* у нас есть одна, всех удовлетворяющая этимология, то для происхождения скандинавского названия Новгорода – таковых этимологий две, и они практически равноправны. Для топонима же *Køpugarðr* у нас, строго говоря, нет ни одного этимологического объяснения, которое представлялось бы полностью исчерпывающим и убедительным даже его сторонникам.

Тем не менее, можно, как кажется, говорить о некоторых критериях, которым должно соответствовать всякое построение, реконструирующее пути возникновения скандинавского *Køpugarðr*. Так, в частности, если мы предлагаем ту или иную собственно лингвистическую версию разрешения этой этимологической загадки, то ценность соответствующей гипотезы существенно возрастает, коль скоро мы в состоянии привести какие-либо независимые исторические или историко-культурные аргументы в его пользу.

В такой перспективе несомненный интерес представляет появившаяся совсем недавно работа шведской исследовательницы-лингвиста Эльзы Мелин [Melin 2005: 55–68]. В своей статье, посвященной этимологии названия *Køpugarðr*, она заново и совершенно иначе, нежели В. Томсен, И. Миккола, Е.А. Рыдзевская и другие исследователи, решает задачу поиска соответствий форманту *køpi-* в собственно скандинавском языковом материале.

Исследовательница возводит элемент *kønu-* к древнеисландскому существительному женского рода *kinn*, восходящее, в свою очередь, к индоевропейскому корню **genw-/genu-* [как отмечает автор, древнеисландское слово этимологически соответствует др.-греч. γένυς, латин. *gena* 'скула, щека', готск. *kinnus* 'щека'; ср. также: др.-инд. *hānu*, авест. *zānu-* 'скула', др.-ирл. *gin* 'рот', лит. *žánda-s* 'щека, скула', кимр. *kyn* 'щека, подборок', тох. А *śanwet* 'скулы' (двойств. число)]. Из нескольких конкурентных форм написания древнескандинавского наименования (*Kenugarðr*, *Kænugarðr*, *Kiænugarðr*, *Kænugarðr*, *Kiænugarðr*, *Kønuugarðr*) Э. Мелин выбирает *Kønuugarðr* как наиболее соответствующую, с ее точки зрения, фонетическому облику разбираемого слова в ту эпоху, когда растущий город приобрел скандинавское наименование. Далее следует объяснение, как сложился этот фонетический облик.

Реконструкция альтернативного пути, в результате которого на месте *-i-* в дошедшем до нас существительном *kinn* мы получаем *-ø-* в одном из элементов географического названия, в ее работе оказывается довольно многоступенчатой и сложной⁷. Попробуем, не останавливаясь подробно на ее анализе соответствующих фонетических преобразований, проследить, какие следствия могут вытекать из идеи тождества элемента *Kønu-* (из **ken-*) и *kinn*.

Лексема *kinn* в древнескандинавских источниках может обладать как значением 'щека', так и значением 'склон горы, возвышенности', что в высшей степени отвечает универсальной общезыковой тенденции переноса названий частей тела и лица на элементы ландшафта или рельефа местности [Rygh 1898: 60; Ekwall 1960: 105]. Подобные метафорические именованья легко, так сказать, топонимизируются, закрепляются за определенным локусом, превращаются в его устойчивое название. В работе Э. Мелин приводится скандинавский материал, когда топонимические названия различным образом задействуют подобного рода анатомические элементы. Следующим шагом исследовательницы становится совершенно справедливое, на наш взгляд, заключение, что скандинавское название, содержащее элемент *kinn*, калькирует или, во всяком случае, переводит некий славянский топоним.

Что же касается указания Э. Мелин относительно того, какое именно автохтонное название отражается в скандинавском *Kønuugarðr*, то здесь, как нам кажется, исследовательница отказывается от прямого и удободоказуемого решения и идет по пути куда более сложному и сомнительному. Она полагает, что скандинавское *kinn* 'склон возвышенности, щека', содержащееся в *Kønuugarðr*, калькирует собственно именованье Киев («Кыѣвъ»), которое, в свою очередь, возводится к реконструируемому сю славянскому **kij*⁸ со значением 'холм' [Melin 2005: 62].

Во-первых, сама по себе эта реконструкция значения славянского **kujь* (**kij*, по Э. Мелин) является далеко не бесспорной. По-видимому, исследовательница отталки-

⁷ Наличие двух вариантов основы (*kinn-* и *ken-*) для слова «щека, подборок» само по себе не должно вызывать удивления: по наблюдению О. А. Смирницкой (устное сообщение), названия частей тела, мыслившиеся как космогонические объекты, в древнегерманских языках составляли особую группу слов, предполагавших обильное варьирование, в частности, варьирование поствокальных согласных, которое на следующих этапах развития языка могли детерминировать тот или иной вокализм корня. Многоступенчатый характер реконструкции во многом обусловлен тем, что Э. Мелин необходимо обосновать два этапа не вполне обычных эволюционных изменений, произошедших, по ее мысли, с индоевропейским корнем **genw-/genu-* на скандинавской почве. Во-первых, ей приходится объяснять, каким путем, наряду с *kinn* возникла основа **ken-*. Кроме того, нуждается в комментариях и последующая лабиальная перегласовка (умлаут) этой гипотетической основы **ken-*, приведшая к образованию интересующего нас элемента *Kønu-*. Нельзя не отметить, что лингвистическая концепция Э. Мелин требует принять целый ряд теоретически возможных, но при этом далеко не бесспорных допущений и реконструкций. См. подробнее [Melin 2005: 58–59].

⁸ Так у Э. Мелин! Следует, по-видимому, полагать, что автор таким образом передает реконструкцию **kujь*.

вается от этимологической версии С. Роспонда, который полагал, что славянское имя города было произведено от основы *kij, и связывал ее с польским диалектным *kujawa* 'песчаный холм'⁹. При этом предметом спора остается как облик самой первоначальной основы, так и ее семантика. Так, В.В. Иванов и В.Н. Топоров считают *kijь производным от **kov-* с основным значением 'палица, молот, жезл' [Иванов, Топоров 1976: 120]. Такая интерпретация славянского «Кый» смыкается с еще более традиционной этимологией этого слова, включающей значение 'палка, дубинка, деревянный молот' и подкрепленной достаточно обширным балто-славянским материалом [Фасмер 1964–1973, II: 230, 231].

Во-вторых, и это, на наш взгляд, еще более существенно, связывая скандинавское *kinn* с крайне сомнительным славянским «холмом», Э. Мелин игнорирует как весьма выразительную реалию топографии древнерусского города, так и знаменитую топографическую легенду, знакомящую нас с летописным толкованием киевского ономастикона.

Напомним, что одна из возвышенностей древнего Киева, обычно именуемых «горами», издревле носила название *Щековица* (*Щекавица*). Вероятнее всего, этот топоним был образован по той же универсальной модели, что и некоторые скандинавские географические названия, включавшие в себя антропоморфные элементы. Собственно говоря, для русского *щека*, *щёки* традиционно указывается дополнительное значение, и поныне сохраняющееся в диалектах, – 'крутой, скалистый берег реки' [Фасмер 1964–1973, IV: 499] («крутизна береговая» по Далю).

Что же касается киевской *Щековицы*, то на протяжении всего Средневековья она оставалась одним из важнейших городских центров. Из относительно «поздних» свидетельств у нас есть рассказ Ипатьевской летописи под 1182 г., где монахи Киево-Печерского монастыря единодушно решают «послемъ к Васильеви попови на Щьковицю абы былъ намъ игоумень и оуправитель стадоу черноризиць Федосьева манастирѣ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 627].

Разумеется, для наших этимологических изысканий куда более любопытно знаменитое «раннее» сообщение «Повести временных лет», где речь идет о дохристианской истории Киева, а именно – о гибели и погребении Олега Вещего: «...и погребоша и на горѣ иже глѣтъся Щековица есть же его до сего днѣ словеть могила шлгова» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 29 под 912 г.]. Как известно, в Новгородской первой летописи приводится другая версия относительно местоположения Ольговой могилы: «есть могила его в Ладозе» [ПСРЛ. Т. III: 109]. Из метатекстовых ремарок летописца ясно, что для эпохи составления обоих летописных сводов времена Олега отошли в область нетвердой памяти, неточного предания. Однако весьма вероятно, что локализация его могилы связывалась с теми местами, которые устойчиво ассоциировались с, условно говоря, зонами и центрами варяжского присутствия в восточнославянских землях. Иными словами, *Щековица* так же хорошо подходит для погребения знаменитого варяга, как и традиционно «скандинавизированная» Ладога-Aldeigjuborg.

Итак, само по себе существование древнего топонима *Щековица* невозможно не соотносить с предложенной Э. Мелин этимологией древнескандинавского названия города. Более того, именно наличие соответствующего славянского наименования столь разительно повышает рейтинг именно такой трактовки элемента *køni-* по сравнению со всеми предложенными ранее. Зеркальное соответствие двух основ – *щек-* и *køni-* – при семантической прозрачности славянского элемента позволяет, как кажется, высказаться более определенно и относительно элемента собственно скандинавского.

Разумеется, в этой связи нельзя не вспомнить легенду об основании Киева, содержащуюся в летописи: «В лѣто 6362. Начало земли Руской. Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ и странахъ, владѣюща кожд родомъ своимъ. И быша три

⁹ [Роспонд 1968: 103–110; 1979]; ср. [Нерознак 1983: 86–87]. Обстоятельную критику этого положения см. в работе [Назаренко 2001: 464].

братия: единому имя Кии, второму же имя Щекъ, третьему же имя Хоривъ, а сестра их Лыбедь¹⁰. И сѣдѣше Кии на горѣ, идѣже нынѣ увоз Боричевъ, и бѣ с родомъ своимъ; а братъ его Щекъ на друзии горѣ, отъ него же прозвася Щековица; а третии Хоривъ, от него же прозвася Хоривица. И сотвориша градокъ, во имя брата своего старѣишаго и наркоша имя Кыевъ. И бяше около ихъ лѣсъ и боръ велик, и бяху ловища звѣрие. И беша мужи мудри и смысленѣ, нарѣчахуся Поляне, и до сего дне от них же суть кыянѣ; бяху же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощениемъ, якоже прочии погани» ([ПСРЛ. Т. III: 105]; ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 9; Т. II. Стб. 7]).

Имена легендарных родичей являются, как это обычно бывает в эпонимических легендах, производными от названия местности (а отнюдь не наоборот) и потому их этимология представляет единое целое с этимологией соответствующих топонимов¹¹. Более существенна для нас другая деталь повествования: исходно три поселения рассматриваются как почти равноправные, однако летописная перспектива устроена таким образом, что при основании города доминирующим явно становится то из них, которое связывается с именем Кия. Иначе говоря, из трех гор главной оказывается та единственная, для которой летописец не приводит другого названия, кроме собственного имени ее насельника, а *Щековица* и *Хоривица* превращаются в элементы городского ландшафта, части некоего общего целого.

При этом нет ничего невероятного в том, что в эпоху, когда Киев был «городком» или, скорее, рядом связанных друг с другом, но еще относительно разбросанных поселений, в перспективе варягов соотношение центров зарождающегося города было устроено несколько иначе. На определенном этапе именно *Щековица* могла восприниматься ими как градообразующий и «имяпорождающий» локус. О причинах такой дистрибуции мы можем только догадываться. Не исключено, что *Щековица* была особым образом связана с расселением скандинавов в пределах будущего Киева, возможно, именно там они почему-либо останавливались, перемещаясь по Днестру.

Так или иначе, с точки зрения этимологии как таковой объяснение, позволяющее связать древнескандинавское название Киева с древнеславянским именованием одного из его районов, кажется чрезвычайно соблазнительным. Для истории славяно-варяжского взаимодействия это было бы прежде всего ярким свидетельством возможности адекватного перевода с одного языка на другой в раннюю эпоху. Перевод этот представляется тем более удачным, что он в равной мере задействует семантический потенциал основ *щек-* и *кѡпи-* в обоих языках, и при этом речь идет не о поморфемном калькировании, а о трансляции значения.

Более того, можно допустить, что определенный смысловой зазор, который существует между топонимом *Køpnigarðr* и *Щековица*, фиксирует определенные изменения

---

¹⁰ Разумеется, в связи с названием *Щековица* чрезвычайно интересна одна из этимологических трактовок топонима *Лыбедь*, связывающая его со «слав. **lūb-* (ср. русское *лыбонь* 'верхняя часть головы животного'), отраженным в обозначениях части головы (*lъbъ, *лоб* и т.д.) и возвышенных элементов рельефа (холм, взгорье и т.д., ср. русск. *взлѡбок* и т.д.)» [Иванов, Топоров 1976: 123]; ср. [Фасмер 1964–1973, II: 538–539, 507]. Подобного рода антропологические корреляции в славянских названиях киевского рельефа сами по себе чрезвычайно соблазнительны, однако нуждаются в дополнительном подкреплении, хотя бы в существовании на славянской почве других таких же топонимических пар или комплексов, использующих сразу несколько названий черт лица.

Впрочем, названию *Лыбедь* приписывали и германское происхождение, причем потенциал этой гипотезы, на наш взгляд, еще далеко не исчерпан.

¹¹ Помимо общих этнокультурных соображений о способах образования имен в эпонимических легендах, отметим, что антропоним *Щек* в славянском мире за пределами интересующего нас предания не зафиксирован, что лишний раз подчеркивает его вторичность, своего рода искусственность, производность от топонима. Ср. также соответствующие указания Фасмера относительно именования другого брата, *Хоривъ*, которое отмечено как производное от топонима *Хоривица* [Фасмер 1964–1973, IV: 263].

реальности и/или восприятие этих изменений. Действительно, как уже упоминалось выше, топонимы на *-gardr* в древнескандинавской номенклатуре Восточной Европы довольно четко соотносятся с городами, тогда как во внутренней форме славянского *Щековица* такой явной соотнесенности со статусом поселения, судя по всему, нет. Иными словами, изменялось означаемое и, хотя уже на другой языковой почве, изменялось и означающее: славянский топоним ассоциируется с элементом рельефа и образовавшимся здесь поселением, тогда как скандинавское наименование – с городом, который на месте этого поселения разрастается.

Итак, перефразируя легенду, можно сказать, что будущая столица славянами воспринималась как город Кия, а скандинавами как город Щека. Тезис о том, что *Kǫnugarðr* имел иную природу, нежели славянское название *Кыѥвъ*, и был при этом непосредственно связан с другим местным топонимом, представляется нам наиболее логичным развитием гипотезы Э. Мелин.

Идея, предложенная в рассмотренной работе, позволяет отвлечься в поисках исходной этимологии древнескандинавского наименования Киева от некоторого фонетического подобия топонимов *Кыѥвъ* и *Kǫnugarðr*, тем более что и подобие это, как уже упоминалось, является довольно слабым и условным. Как кажется, предположение о связи скандинавского *Kǫnugarðr* и славянского *Щековица* требует того минимума реконструктивных усилий, который как раз может свидетельствовать о правдоподобии этимологической догадки. Другое дело, что позднее, в процессе бытования географического термина *Kǫnugarðr* он мог различными способами сближаться в русле народной этимологии с распространившимся и закрепившимся названием *Кыѥвъ*, однако это происходит скорее всего уже на следующем этапе славяно-варяжского взаимодействия. Именно такая вторичная «паронимическая аттракция», затемняя, к огорчению этимологов, изначальное происхождение слова, зачастую обеспечивает топониму устойчивость и долгожительство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брим 2002 – В.А. Брим. Путь из варяг в греки // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. I. Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002.
- Джаксон 2001 – Т.Н. Джаксон. *Austr í Gögðum*: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.
- Иванов, Топоров 1976 – Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. М., 1976.
- КБ 1989 – Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
- Мельникова 1977 – Е.А. Мельникова. Восточноевропейские топонимы с корнем *-gardr* в древнескандинавской письменности // Скандинавский сборник. Вып. 22. Таллин, 1977.
- Назаренко 2001 – А.В. Назаренко. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Нерознак 1983 – В.П. Нерознак. Названия древнерусских городов. М., 1983.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. I–XLIII. СПб.; Пг.; Л.; М., 1841–2004.
- Рожнецкий 1911 – С. Рожнецкий. Из истории Киева и Днепра в былевом эпосе // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. Т. XVI. Кн. I. 1911.
- Роспонд 1968 – С. Роспонд. Значение древнерусской ономастики для истории (К этимологии топонима Киев) // ВЯ. 1968. № 1.
- Роспонд 1979 – С. Роспонд. *Miscellanea onomastica Rossica*. I. Летопись Нестора как ономастический источник; II. Еще раз о Киеве // Восточнославянская ономастика: Мат-лы и исслед. М., 1979.
- Рыдзевская 1978 – Е.А. Рыдзевская. О названии Руси *Garðaríki* // Е.А. Рыдзевская. Древняя Русь и Скандинавия (IX–XIV вв.). М., 1978.
- Томсен 2002 – В. Томсен. Начало русского государства // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. I. Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002.

- Успенский 2002 – Ф.Б. Успенский. Скандинавы – Варяги – Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.
- Фасмер 1964–1973 – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 – М., 1964; Т. 2 – М., 1967; Т. 3 – М., 1971; Т. 4 – М., 1973.
- Янин, Алешковский 1971 – В.Л. Янин, М.Х. Алешковский. Происхождение Новгорода (К постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2.
- Ekwall 1960 – E. Ekwall. The concise Oxford dictionary of English place-names. Oxford, 1960.
- Fritzner 1954 – J. Fritzner. Ordbog over det gamle norske Sprog. Bd. I–III. Oslo, 1954.
- Hesselman 1925 – B. Hesselman. Kritiska småbidrag till fornisländsk ordhistoria // Göteborgs Högskolas Årsskrift. Bd. XXXII: 3. 1925.
- Lind 1920–1921 – Norsk-Isländska personbinamn från Medeltiden / Samlade och utgivna med förklaringar av E.H. Lind. Uppsala, 1920–1921.
- Melin 2005 – E. Melin. Kønugarðr, the Name given to Kiev in the Icelandic Sagas, with an excursus on Kind in place-names // Arkiv för nordisk filologi. Bd. CXX. 2005.
- Mikkola 1907 – J.J. Mikkola. Om några ortnamn i Garðaríke // Arkiv för nordisk filologi. Bd. XIX. 1907.
- Rožniecki 1914 – S. Rožniecki. Varaegiske minder i den russiske heltedigtning. København, 1914.
- Rygh 1898 – O. Rygh. Norske Gaardnavne. Bd. II. Kristiania, 1898.
- Schramm 1984 – G. Schramm. Die normannischen Namen für Kiev und Novgorod // Russia Mediaevalis. T. V, 1. 1984.
- Skj. 1973 – Finnur Jónsson. Den norsk-islandske Skjaldedigtning Rettet tekst. Bd. I–II. København, 1973 (репринт издания 1912–1915 гг.).
- Strumiński 1996 – B. Strumiński. Linguistic interrelations in early Rus': Northmenn, Finns and East Slavs (ninth to eleventh centuries). Roma; Toronto, 1996.
- Thomsen 1919 – V. Thomsen. Samlede Afhandlinger. Bd. I. København, 1919.
- Trunte 1988 – H. Trunte. Kyj – ein altrussischer Städtegründer? // Die Welt der Slawen. Bd. XII. 1988.
- de Vries 1977 – J. de Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1977.